

К РЕФОРМЕ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Л. ВЛАДИМИРОВ

В бесконечной веренице социальных конфликтов, неурядиц и противоречий, характерных для пакистанской действительности, в последнее время особенно заметное место заняли разногласия между представителями влиятельного мусульманского духовенства и правительством. Невзирая на строгости установленного в стране военного положения, мульты открыто поносят пакистанских законодателей, обвиняя их чуть ли не в вероотступничестве. Официальная пропаганда увещевает духовных лиц и призывает их поддержать правительство. Большой интерес к конфликту проявляет общественность страны. Можно смело утверждать, что за весь период существования военного режима, с октября 1958 года, подобное оживление в Пакистане наблюдается только вторично.

Впервые пакистанское общественное мнение было разбуждено в середине прошлого года в связи с началом заседаний комиссии по выработке рекомендации о будущем конституционном устройстве государства. Тогда правительство подверглось резкой критике слева, зазвучали голоса в пользу критических порядков. Пострадали от этого в конце концов те, кто осмелился протестовать против военного режима.

Ныне наступление на правительство ведется с крайне правых позиций людьми влиятельными и понаторевшими в словесных перепалках. В сотрудничестве с ними военная диктатура Айюб-хана кровно заинтересована. Этим и объясняется непривычно мягкое отношение властей к оппозиции.

Непосредственным поводом для перебранки послужило принятие правительственного указа «О мусульманских семейных законах». Указ этот готовился уже давно. Еще в 1955 году была создана специальная комиссия для пересмотра соответствующего законодательства. Однако сопротивление священнослужителей и знатоков исламского права оказалось настолько яростным, что рекомендации комиссии смогли воплотиться в юридической форме только в 1961 году, когда правители страны, пытающиеся представить себя в виде либеральных реформаторов и спасителей нации, сочли невозможным далее игнорировать требования общественности об отмене средневековых обычаев и обеспечении хотя бы элементарнейших прав женщин.

Весьма примечательно, что наибольший накал страстей вызвали те положения указа, которые затрагивают самые архаичные и жестокие порядки.

Как известно, в соответствии с мусульманским правом мужчина в Пакистане может иметь до четырех жен. Указ не ставит своей целью полностью запретить многобрачие, но существенно ограничивает его. По новым правилам человек, намеревающийся вступить в очередную брак, должен получить на это согласие своих жен, подать заявление в органы местного самоуправления и убедить арбитражную комиссию, куда входят доверенные лица супругов и глава органа местной власти, в том, что его женитьба необходима и оправданна.

Условия, как можно видеть, довольно серьезные и в значительной степени гарантируют права женщин. Брак, нарушающий положения указа, рассматривается как уголовное преступление и карается тюремным заключением или штрафом до пяти тысяч рупий. Более того, в случае вступления супруга в новый брак его жены могут беспрепятственно развестись с ним и получить определенную долю имущества.

Не менее существенным и важным новшеством, которое отвечает интересам пакистанских женщин, является упорядочение процедуры развода. До сих пор среди 80 процентов населения страны, принадлежащих к суннитскому толку ислама, распространены два вида развода — так называемые «талак-и-раджае» и «талак-и-баин».

«Талак-и-раджае» заключается в том, что мужчина произносит традиционную формулу, означающую: «Я развожусь с тобой», трижды через равные промежутки времени в течение трех месяцев. По истечении этого срока развод считается вступившим в силу, однако разведенные могут вновь сочетаться браком друг с другом. В соответствии с процедурой «талак-и-баин» мужчина произносит ту же формулу три раза подряд. Брак расторгается немедленно, и разведенные супруги могут возобновить брачные узы лишь после того, как жена выйдет замуж за другого и разойдется с ним или овдовеет.

«Талак-и-баин» является поистине бедствием для пакистанской женщины, забитой, бесправной, полностью зависящей от произвола мужа. В местной печати нередко появляются сообщения о женах, выброшенных из дому и потерявших все супружеские права лишь потому, что муж был не в духе. Новый указ полностью отменяет «талак-и-баин» и устанавливает обязательную процедуру примирения супругов в трехмесячный срок с момента подачи мужем заявления о разводе.

По старому законодательству минимальный брачный возраст женщины в Пакистане — 14 лет. Новый указ увеличивает его до 16 лет. Чтобы обеспечить строгое выполнение требований указа, в нем предусматривается обязательная регистрация браков, что также является новшеством.

Мусульманские законоведы и священнослужители, в том числе и Маульви Иштехамул Хак, принимавший участие в работе комиссии по реформе законодательства о семье, не согласны ни с одним из упомянутых, сравнительно прогрессивных положений указа. Муллы доказывают, что многоженство является священным институтом ислама, так как «главный и последний из пророков — Мухаммед — сам имел более одной жены. Все четыре халифа и большинство имамов, принадлежавших к семье святого пророка, также имели несколько жен». Мусульманские попы никак не могут примириться с мыслью, что жизнь идет вперед, что сейчас не VII, а XX век. Эти «ревнители веры» заявляют, что «все положения указа относительно развода враждебны устоям святого корана», так как они-де отвергают абсолютное право развода, предоставленное мужу свыше. «Узы брака, — рассуждают мракобесы, — на-

В ПАКИСТАНЕ

ходятся в руках мужа, и он может порвать или сохранить их по желанию».

Почтенные представители духовенства яростно возражают и против установления минимального брачного возраста в 16 лет. Коран, говорят они, не устанавливает каких-либо возрастных пределов для вступления женщины в брак.

Разногласия правительства и духовенства по вопросу о законах, определяющих семейные и брачные отношения, довольно серьезны. Победа той или иной точки зрения самым непосредственным образом скажется на участи многих миллионов пакистанских женщин, которые, по словам президента Айюб-хана, «терпят невыразимые страдания и лишения в результате многоженства».

Обострение этих разногласий не менее важно и потому, что в них отразилась скрытая борьба, идущая между различными слоями и группировками внутри правящих реакционных классов Пакистана. Наиболее твердолобые консерваторы—представители духовенства упрямо цепляются за вековые порядки. Их более «либеральные» оппоненты, находящиеся сейчас у власти, видят неразумность и опасность подобной политики. Они сознают, что в наши дни архаическая идеология и практика ислама беспомощна перед натиском новых идей. Поэтому, в отличие от правоверных старцев, окаменевших в своих убеждениях, либеральные представители правящих кругов пытаются остановить ход времени, проводя мелкие реформы, противопоставляя идеям современности модернизированный, или, как они сами выражаются, «очищенный от наслоений, ислам».

Борьба двух направлений пакистанской реакции не является чем-то новым и не ограничивается областью теории. Восемь лет назад бывшая провинция Пенджаб усилиями священнослужителей была ввергнута в пучину беспорядков, невиданных со времен индо-мусульманской резни 1947 года. Муллы вновь грозят, что «вызванные указом практические осложнения в нашем социальном порядке будут настолько ужасными, что их последствия нельзя сейчас даже полностью предвидеть».

Причина крайнего раздражения представителей духовенства (оставим в стороне их идеологические убеждения) ясна: военный режим начинает более энергично, чем его предшественники, вмешиваться в область исламского права, бывшую ранее монопольным владением толкователей священных канон ислама. Правительство Айюб-хана хочет низвести служителей религии до положения своих подручных в идеологической обработке пакистанского народа и лишить их остатков того влияния, которое муллы когда-то оказывали на дела государства.

Борьба еще не закончена, но духовенство, очевидно, потерпит поражение. Однако победа вряд ли существенно укрепит позиции реакционных правителей страны. Реакция—в любом ее виде—бесильна перед лицом истории. Новые, прогрессивные идеи неодолимы, их не остановит ни модификация старых догм, ни военная диктатура, ни сохранение почти поголовной неграмотности и нищеты народа.

НАРАСТАЮЩАЯ УГРОЗА

(Окончание. Начало см. на стр. 24)

и непрактичной. Основанный по инициативе МБРР Клуб помощи Индии «вежливо намекнул» представителю индийского правительства, что клуб не собирается «покрывать дефицит иностранной валюты, которого можно было бы избежать, если проводить другую политику», то есть политику уступок американским нефтяным монополиям.

Для американского частного капитала деятельность МБРР в Индии представляет интерес еще и потому, что ряд предприятий, строящихся на отпущенные банком средства, сооружаются американскими фирмами. Так, работы по расширению заводов Тата ведутся компанией «Генри Д. Кайзер».

Американские монополии используют займы МБРР для поощрения экспорта в Индию своих товаров. По данным, опубликованным в журнале «Нью Эйдж», более 50 процентов средств, получаемых Индией от банка, идет на закупки товаров в США.

Однако здесь американским компаниям препятствует конкуренция со стороны частного капитала других империалистических государств. Американский журнал «Инджиниринг ньюс рекорд» с неудовольствием отмечал, что оборудование для расширения заводов Тата было приобретено в ФРГ и на покупку его пошла значительная часть займов МБРР этой компании.

Американскому частному капиталу в Индии приходится действовать в условиях острой конкурентной борьбы с английскими, западногерманскими, японскими фирмами. Следует отметить, что в отличие от английского американский частный капитал имел чрезвычайно слабые позиции в экономике колониальной Индии, и ему приходится наверстывать упущенное. За 10 лет, с 1948 по 1958 год, сумма американских частных вложений в Индию возросла с 111,7 до 598,5 миллиона рупий, то есть более чем в пять раз. В конце 1960 года она составляла около 165 миллионов долларов (около 700 миллионов рупий). Начиная с 1957 года приток новых частных инвестиций из США в Индию оказался больше, чем из любой другой страны.

Иногда американские и другие иностранные компании, действующие в Индии, объединяются. Так бывает, когда речь идет о необходимости сообща выступить в защиту общих интересов. Например, когда индийское правительство выдвинуло предложение о переработке на заводах иностранных нефтяных компаний нефти-сырца, поступающего из Советского Союза, американские нефтяные компании выступили против этого предложения совместно с английской «Бирма шел».

В некоторых случаях американским монополиям бывает выгодно использовать в качестве ширмы зависящие от них фирмы других стран. Так, канадская компания «Алюминий оф Кэнэда», проникающая в цветную металлургию Индии, контролируется американцами.

Таким образом, в настоящее время проникновение монополистического капитала США в Индию принимает самые различные, подчас замаскированные формы. Усиление его активности за последние годы—серьезная угроза экономической независимости страны.